

АРМЕН ДЖИГАРХАНИЯ:

МУДРОСТЬ ПРИНОСИТ ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ

«ОСЕННИЕ» МЫСЛИ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА

Труд-1995-1дек.-с.5

Тот, кто пытался взять у Армена Джигарханяна интервью, знает, чего это стоит: день артиста расписан по минутам. Не случайно в шуточной театральной энциклопедии слово «исключение» расшифровывается как «кинофильм без Джигарханяна». Наиболее настырные из журналистской братии в конце концов добиваются своего, но дома у него, в небольшой квартире в Средне-Кондратьевском переулке, удалось побывать немногим. Здесь нет ни старинного фарфора, ни редких икон, мебель самая обыкновенная — зато много книг, пластинок, альбомов с репродукциями... Обычный дом — вот только во время футбольных или выжженных хоккейных матчей сюда лучше не ходить. Хозяин — страстный болельщик, он устроится вместе с вами перед телевизором, и о высоком искусстве вы с ним не поговорите. Впрочем, гости, как правило, верно рассчитывают время своих визитов: это пристрастие Армена Борисовича, страстного футболиста, в прошлом — тренера команды театра им. Маяковского, ни для кого не секрет. О Джигарханяне — спасибо журналистской настойчивости — не так уж мало знают не только театральные люди, но и широкая публика. Даже тем, кто ни разу не был в театре Маяковского, не надо рассказывать, что Джигарханян работает в нем около тридцати лет. Известно, что он сторонится политики. Помимо всего, он заядлый автолюбитель. Джигарханян не увлекается телеинтервью, однако все почему-то уверены, что это добрый и на редкость приятный человек. У каждого, кто следит за творчеством артиста, есть свой Джигарханян, и порой так хочется узнать, насколько твои фантазии совпадают с реальностью...

— Зрители помнят и любят ваших положительных героев: Левинсон в «Разгроме», Мольтер из старого спектакля театра Ленинского комсомола, Артузов в «Операции «Трест»... И это только начало длинного списка. Но я вспоминаю роль, в которой я впервые увидел вас на сцене, — Ботвелла в «Да здравствует королева, виват!» Мне на всю жизнь запомнился ваш персонаж — сильный и безжалостный, умный и абсолютно беспринципный. Вы очень точно чувствуете зло — откуда это у вас?

— Ничего удивительного здесь нет: если актер верит в то, что он делает, он может пробудить в себе какое угодно чувство. Важно разбираться, что творится у человека в душе, — остальное придет. Я всегда стараюсь понять, что сделало злодея злым: гены или люди, среда или судьба... Ничего более захватывающего, чем это занятие, я не знаю.

— Отчего же в человеке родится зло?

— Вывести какую-то общую закономерность я не могу. Если я скажу, что зло возникает потому, что по ночам с болот поднимаются ядовитые газы, вы мне не поверите — и будете правы. Зло конкретно, как дифтерия: каждый по-своему заболевает и по-своему ее переносит. Впрочем, одна общая черта здесь все же есть — всем заболевшим бывает больно. Это имеет прямое отношение к тому, о чем мы говорим.

Очень давно я знал человека, всю жизнь маявшегося страшными головными болями. Он лечился у лучших врачей, но они не могли ему помочь. А потом нашелся доктор, который обнаружил, что у моего приятеля обоняние, как у собаки, — и мозг не успевает переварить обрушивающуюся на него информацию. То же и со злом: человек не в силах разбираться в жизни, она причиняет ему боль, и он отвечает

на это тем, что делает больно другим...

— Подлецов впору и пожалеть — им, бедным, оказывается, приходится тяжелее всех...

— Жизнь заставляет людей страдать, не делая разницы между хорошими и плохими. Другое дело, как человек с этим справляется: не добрым, путаным, некрепким душам приходится очень худо. Мне, актеру, интересны такие люди: я знаю, что мой герой Фуше, которого я играю в «Ужине на двоих», бывший министр полиции Наполеона I, убийца и предатель, многое переделал, многим «переболел». Это сложный, сильный, значительный человек: принимать его вовсе не обязательно, а понять необходимо. Жизнь состоит из оттенков: в каждом из нас есть нечто, заслуживающее внимания. Я понимаю, что мой опыт достаточно специфичен: проникнув моему персонажу в душу, я начинаю его любить — каким бы он ни был. И все же я убежден в том, что, делая мир на плохих и хороших, черных и белых, мы сами себя обкрадываем.

Я давно мечтаю о роли Геббельса. Чудовище, урод, которого сама природа пометила каиновой печатью — хромой, с лицом мертвеца... Но у него было восемь детей, и он их нежно любил. Вот бы сыграть, как Геббельс, поздно ночью вернувшись из рейхсканцелярии, осторожно приоткрывает дверь и заглядывает в комнату, где спят его дети, прислушивается к их дыханию... Что он чувствует в этот мо-

мент? Как это сочетается с тем, что он делал днем? Ради того, чтобы пережить это самому, я и выхожу на сцену.

— Какие оттенки сегодня присущи вашей собственной жизни? Что вас беспокоит?

— Что вам сказать... Не знаю, поймете ли вы это, но мне до конца, до финала хочется остаться живым. С годами на себе начинаешь ощущать, как бежит время: реакция притупляется, появляются морщинки, падает зрение, да и разум, наверное, меркнет. Я боюсь утратить то, что во мне есть, еще до того, как упадет занавес. Вплоть до этого момента я хочу остаться сегодняшним — вот эта мысль не отпускает меня ни на сцене, ни дома.

— Выходит, вас совсем не тревожит, что подкосило многих замечательных актеров, не сумевших приспособиться к новому времени?

— Один мой товарищ служил срочную на Крайнем Севере, в воинской части, обслуживавшей запасной аэродром. Его постоянно заносило снегом, и солдат каждый день выгоняли с лопатами на взлетное поле. К концу первого года моему другу казалось, что он сходит с ума: на аэродроме за это время сел... один самолет. Изю дня в день он делал дело, которое никому не было нужно. Так и я: все мои дни расписаны, у меня нет ни одной свободной минуты — я очень занят, я снимаюсь в фильмах, которые никто не видит. И все же мое время проходит не совсем бесследно — у меня, слава Богу, есть театр.

А то, что в кино мне порой приходится играть роли разного плана, меня нисколько не раздражает. Если они были сыграны правдиво, то это хорошо, если нет — я буду знать, над чем мне надо работать. Грешен: мне хочется все испытывать, все успеть, сыграть все роли.

— Говорят, что случай — царь

и Бог актерской карьеры. Что было вашим счастливым случаем, какой шанс подарила вам судьба?

— От случая действительно зависит почти все, но для того, чтобы он сработал, надо что-то иметь за душой. Моим случаем было то, что в середине шестидесятых в Ереван приехала на гастроли замечательная актриса Ольга Михайловна Яковлева, то, что она пришла на спектакль, где я играл. Я ей понравился, она рассказала обо мне Анатолию Васильевичу Эфросу... Так, волею случая я оказался в Москве, в театре Ленинского комсомола, — все остальное уже было моих рук делом.

— Вам, наверное, нелегко было войти в театральную жизнь Москвы? Я немного знаю армянский театр: наши режиссеры по-иному думают, у актеров — другой темперамент и манера игры, да и публика у нас не такая...

— Гораздо труднее было не приспособиться, остаться таким, каким я был на сцене и в жизни. Тогда, в 1966 году, я ни о чем подобном не думал, и сохранил себя чисто инстинктивно. Бог меня спас.

— Эфрос по праву считается крупнейшим современным режиссером, но вместе вы пробыли недолго. Между тем в театре Маяковского вы работаете уже многие годы. Не овладевала ли вами порой охота к перемене мест?

— Ни в коей мере. Мне нравится работать с Андреем Александровичем Гончаровым — он очень творческий, очень живой человек, во время каждой новой постановки наш «театральный роман» начинается заново. Театр Маяковского стал моим домом, а бросить свой дом я не могу.

— Эфрос — одна из самых загадочных и печальных фигур нашего театра. В шестидесятые годы артисты были готовы идти за ним в огонь и в воду; в восьмидесятые на него ополчились многие из любимых учеников. Боюсь сказать, но мне казалось, что от последних, блистательных по театральному языку спектаклей Анатолия Васильевича веяло какой-то опустошенностью...

— Дело в драматизме, изначально присущем профессии режиссера. Ему надо воплотить свой замысел, свое мироощущение через других людей, а это невероятно сложно. Компромисс... Пожалуй, это неточное слово. Каждому режиссеру постоянно приходится идти на уступки — и обстоятельствам, и себе самому. Ни один актер не может идеально точно воплотить его замысел: режиссер маскирует это музыкой, светом и так реализует свой замысел. Но он-то понимает, что это нечто совсем иное! Он говорит себе: что ж, ничего, в следующий раз все выйдет лучше, но с годами появляется куда большая беспощадность к себе. Осень жизни дарит нам мудрость, а она приносит горькие плоды... Сначала — усталость от профессии, позже — усталость от жизни.

— Какие же плоды принесла ваша собственная мудрость?

— Я узнал, что такое печаль. Прежде я любил аплодисменты, обожал успех. Сейчас в работе

меня увлекает не конечный результат, а сам процесс. Нынче вечером в «Ужине на двоих» я буду играть с Олегом Павловичем Табаковым. Спектакль идет уже давно, мы привыкли к своим героям — какие тут могут быть неожиданности? Но я знаю, что после одной из реплик вдруг мелькнет какая-то искра, и мы начнем раздирать друг другу души... Вот ради этого, а не из-за зрительских аплодисментов, я и спешу в театр к началу спектакля.

— Есть ли у вас мечта, ради которой вы многим готовы пожертвовать?

— Да, есть. Я хочу создать театр, труппу которого составят студенты моего бывшего ВГИКовского курса. Я учил их четыре года, потом, по независимым от меня обстоятельствам, мне пришлось уйти из института... Я отдал им очень многое, очень многое от них получил. У меня на курсе висел лозунг «Все можно» — мне хотелось дать каждому из них шанс раскрыться, показать себя. Нам было интересно вместе...

— Я у вас в гостях, а ни одного личного вопроса пока так и не задал. Давайте начнем с самого простого: как зовут этого чудесного кота?

— Кота зовут Фил. Я его обожаю. Это один из моих лучших друзей. Любимое наше занятие — уместиться вечером бок о бок у телевизора.

— А кроме Фила с кем вы дружите?

— Да по-разному... Прежде мне были безумно интересны люди: я любил нравиться, любил находить новых друзей. Сейчас это ушло, а круг тех, с кем у меня очень давние отношения, сильно поредел.

— Иными словами, вы не любите чересчур близко подпускать к себе людей?

— Пожалуй, да. Впрочем, старые, проверенные друзья по-прежнему со мной... Знаете, мне не хочется выставлять напоказ эту сторону моей жизни.

— Наша беседа будет опубликована в пятничном номере, предназначенном для домашнего чтения, и я просто обязан задать вам следующий вопрос: что значит для вас дом?

— Мой дом придает мне силы, хранит меня и защищает. Для меня очень важно то, что рядом с нами живет мой сын и мы очень часто видимся. Я безумно боюсь, что когда-нибудь нам придется расстаться... Дома я успокаиваюсь. Извините, но больше на эту тему говорить не могу. Есть вещи, которые нельзя тиражировать: тут все очень личное, очень мое, сюда я никого не пускаю.

— Чувствуете ли вы себя коренным москвичом?

— Что вам сказать? Хотя я и живу в России, но снег любить так и не научился, а вот подмосковный лес полюбил. Мне по-прежнему снятся горы. Стал ли я москвичом? Не знаю... На днях я вернулся из Израиля, и там мне тоже было очень хорошо. Наверное, дело в том, что человек может свить гнездо всюду, где он чувствует себя как дома.

Беседу вел Алексей Филиппов.

